

БЪЛГАРИТЕ В СЕВЕРНОТО ПРИЧЕРНОМОРИЕ

ИЗСЛЕДВАНИЯ И МАТЕРИАЛИ

ТОМ ДЕСЕТИ

СПЕЦИФИКА БЕССАРАБСКОЙ БОЛГАРСКОЙ СВАДЕБНОЙ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ

Валентина Колесник

Как известно, переселение болгар на территорию Бессарабии осуществлялось преимущественно из северо-восточных и юго-восточных болгарских земель. Т.е. все исследуемые переселенческие говоры (кроме говора с. Терновки в Приазовье) относятся к восточным. В исследуемом нами регионе представлены все основные типы говоров восточной Болгарии, кроме центральных родопских и некоторых балканских. Поэтому на Украине более релевантным оказывается противопоставление северные — южные болгарские говоры. Наиболее наглядно оно проявляется на фонетическом уровне и прежде всего по рефлексам *ятя* — перед слогом с мягким согласным в северо-восточных говорах произносится *-e*, а в юго-восточных — *'a* (*летен, верен, гулеми* — в северо-восточных говорах, и *л'атен, в'ар'ен, гол'ами* — в юго-восточных). Диагностирующими являются также и степень редукции безударных гласных, нестабильность фонемы */x/*, ударение в формах повелительного наклонения, частица будущего времени и др. В целом в северо-восточных болгарских говорах диаспоры обнаруживаем черты и тенденции, свойственные вокалическим языкам, а в юго-восточных — консонантным [6: 51].

Как отмечает известный болгарский диалектолог И.Кочев, деление север-юг является наиболее архаичным. Традиционное противопоставление восточные — западные болгарские говоры не было релевантным для староболгарского периода, в то время более значимой было деление болгарской языковой территории на южные и северные диалекты: «Если бы мы снова попытались ответить на вопрос, поставленный некогда Б.Цоневым, «Какие новоболгарские говоры находятся ближе всего к староболгарским» (но уже комплексно на всех уровнях, т.е. не только на лексическом), то ответ определенно может быть только один — юго-восточные» [7: 21].

На лексическом уровне при разграничении север — юг наиболее характерны противопоставления *дъщеря* — *щерка* 'дочь', *стан* — *разбой* 'ткацкий станок', *зеле* — *лахна* 'капуста', *гълча* — *хортувам* 'говорить', *черница*, *ягуда* — *дудала* 'шелковица', *прижило* 'ручка ведра', к ним можно добавить

также лексеми, характерные для фракийских говоров, — *джубринки* ‘шкварки’, *пашмол* ‘кокон’, *кутел*, *върбило*, *карпуза*, *куптор*, *л’улек* ‘аист’ и др.

В отношении обрядовой терминологии ярких диагностирующих элементов, как видим, не отмечено. Однако, в исследуемых болгарских говорах и до настоящего времени в обрядовой терминологии, особенно в свадебной, наглядно представлено деление север-юг. Диагностирующими чертами южных болгарских говоров являются, в частности, названия сватовства, помолвки и некоторых обрядовых лиц.

Как неоднократно отмечали исследователи, отличительной чертой болгарской свадебной обрядности (впрочем, известной и другим южным славянам) было наличие двух помолвок — малой и большой (тайной и официальной). В ходе второй помолвки происходил обычно обмен подарками-знаками (*нишан*, *мишан*, *лишан*, *белег*, *знак*, *мена*) между женихом и невестой или невестой и сватами. Поэтому в ряде терминов предсвадебного цикла, зафиксированных нами в северо-восточных говорах, доминирующей становится семантика обмена: *мена*, *менеж* — *На м’ана м’ен’ават пръст’енити*. *Аку ни праият годи м’аната са праи на свадбата* (Криничное). В балканских говорах значение терминов сводится к оппозиции «брать/давать» какой-то знак (предмет) (*даване белег*, *знак*, *нишан*, *мишан*, *лишан*).

Диагностирующими для севера и юга являются названия предсвадебного обряда засевки — *засяф*, *засефки* или *квас* в северо-восточных говорах и *замески*, *замяски*, *замиски* (Терновка) в южных (фракийских).

Лексема *главеш* фиксируется только в южноболгарских говорах, которые представлены в Крыму, а также в селах Васильевка, Червонознаменка, Благоево, Свердловло, Кубанка, Терновка. В остальных селах употребляется лексема *годеж* (*гудеж*, *гудеш*), характерна и для литературного болгарского языка. В настоящее время это основное сохранившееся обрядовое действие предсвадебного цикла, как в бессарабских селах, так и в метрополии. По мнению Е.С. Узеновой лексема *годеж* образована от глагола *годя* ‘совершать помолвку, сватать’, она связана с семантикой соглашения, договора, которая является доминирующей в названиях помолвки. «Косвенным подтверждением тому служит и наличие большого числа терминов с основой год- в различных ЛСГ (*годежари* ‘сваты’, *годеник/годеница* ‘жених/невеста’, *годеш* ‘свадебный барашек’ и др.). Вероятно, здесь уместно говорить о корене-концепте, который в контексте болгарского свадебного обряда выявляет свой архаический смысл и внутреннюю форму» [9: 416].

Нередко именно во время этого ритуала достигалась окончательная договоренность о выкупе за невесту, взаимных подарках, а также о дне свадьбы. Поэтому многие названия помолвки имеют в метрополии соответствующие буквальные значения: *притвърдък*, *твърдението на годежа* (‘утверждение, укрепление помолвки’), *отсек* (‘отсекание’ в смысле окончательного определения), *свършуване* (‘окончание, завершение, окончательное решение’) [9:

412]. К этой группе относится и раритетная в болгарских говорах Бессарабии лексема *свършени* (с.Криничное), фиксируемая в БЕР как производная от глагола *свършвам, свършвам* в значении 'обручаться' [БЕР, 5: 138]. Обе лексемы — *годеж* и *свършени* — могут, на наш взгляд, быть реликтами обряда инициации, поскольку традиционная болгарская свадьба всей системой предсвадебных, свадебных и послесвадебных обрядов реализует функции инициации, осуществляет переход девушки из детской возрастной и социальной группы в группу жены-матери. Свадьба, как известно, является продолжением существующего в родовом обществе брачного посвятительного ритуала, который завершал инициационный период и целостного испытания юношей и девушек. На мифологическом уровне брачный посвятительный ритуал девушки сохранен в митологеме двух мифических свадеб в болгарском фольклоре — свадьба со змеем, что отражено главным образом в пасхальных песнях, и свадьба с солнцем, что отражено в пасхальных и рождественских песнях. На обрядовом уровне в реликтовом виде посветительный ритуал разыгрывается в весенних играх девушек, в обрядах *Лазаруване, кумичане, Буенец*. На наш взгляд в исследуемой обрядовой системе со временем произошел перенос термина с одного элемента обряда на другой.

Название *главеж*, характерное для юго-восточных болгарских говоров, объясняется в лингвистической литературе следующим образом: «Нередко во время помолвки молодые соединяли и головы, что, вероятно, для болгарской культурной традиции было особенно значимо, поскольку вызвало к жизни разнообразные термины, образованные от общей основы *глав-*: *углава, главилка, главеш, оглава*» [9: 412]. Однокоренные лексемы нередко фиксируются в метрополии — *главен, глава* 'годявам' (Банско), *главеж* 'годеж', *главим се* 'наемам се като слуга' (Говедарци, Самоковско), *главник* 'годеник' (Плевня, Драмско), *главница* 'годеница' (Плевня, Драмско) [БЕР, 1: 244]. В ольшанском говоре зафиксировано также с тем же корнем слово *главничка*, которое употреблялось для обозначения свечи в рост покойника, которую скручивали спиралью и ставили на блюде к изголовью, пока покойник находился в доме. В данном значении лексема в метрополии не зафиксирована.

Н.С.Державин происхождение термина *главеж* связывает с названием перстня, который обязательно на помолвке дарят жениху: «Дочь становится на свое место у печки и достает перстень — *главенич* (с большим, размером в три копейки украшением сверху). Видимо от названия этого перстня и обряд называется *главеш*, молодых после этого называют *главеник и главеница*» [5: 142].

Только для переселенцев из Южной Болгарии характерны также названия предсвадебного обряда, образованные от корня *пи-/ной-*: *препив, препев* (Червонознаменка), *перпев* (Терновка), указывающие на широкое распространение практики скрепления договора при помощи совместной трапезы и распивания вина или ракии и их значимость в обряде.

В балканских говорах в названии предсвадебного обряда эксплицитно представлена семантика «говорения»: *удумвани*, *обдумване* и т. п. (от гл. *думам* ‘говорить’).

В целом структура бессарабской болгарской свадьбы сохраняет немало обрядовых действий. В Заре, например, сохранились следующие названия обрядовых действий: *хуртуван’е*, *угл’адница*, *удумван’е*, *гуд’еш*, *кал’есван’е*, *зас’ефки*, *байр’ак*, *чупини на вин’ен кравай*, *заплитан’е на кусата*, *бръсн’ен’е на млад’ее*, *прайат булката*, *в’енч’афка*, *дар’авани*, *свадба*, *збират възил’ти*, *дар’авани*, *прошка*, *радусттъ*, *пуливан’е*, *катайен’е*, *на прас’е* — *уб’ештаван’е*, *развал’аха булката*, *збират кукошки*, *гонат мухи*. В Кирничках — *задирван’е*, *знак*, *гуд’еш*, *раскатван’е*, *кал’есвани*, *прибулван’е*, *аб’ештавани*, *в’енч’авани*, *гул’ай*, *дар’авани*, *гуштафка*, *милина*, *разбулвани*, *катайат*, *пуливан’е*, *слатка*, *ч’ерв’ена ракийя*, *повраки*. В Главанах: *мишан*, *конч’ават*, *гуд’еш*, *кал’есвани*, *нос’ен’е на квас*, *бръсн’ела*, *сплитан’е*, *кумова в’еч’ер’а*, *прибулван’е*, *в’енч’афка*, *выкуп*, *пуср’ещан’е*, *трап’еза*, *право хоро и нагоре*, *разбулван’е*, *хаб’ер*, *маскиран’е*, *пригуцаван’е*, *повранки*. В Криничном — *свърш’ени* (*малку*, *гул’аму свърш’ени*), *годи*, *м’ана*, *круйен атлас*, *кал’есван’е*, *бръснат з’ат’о*, *в’енч’афка*, *ч’упини на др’ауту*, *ч’упини на кравайу*, *купуват пит’елу и байр’аку*, *ч’уп’ат ч’енийе*, *пуср’аштат булката*, *дар’звани*, *ч’ерв’ена ракийя*, *полив*, *ул’ул’уга*, *цалува ръка*, *прайат умр’алу*, *удбул’ени*, *одратки*. В Новых Троянах: *сватан’ето*, *обдумвани*, *гуд’еш*, *забулвани*, *в’енч’авани*, *мъшка и женска свадба*, *др’ешник*, *выкуп*, *дар’аван’е*, *фъргат кръст на мъшката свадба*, *пруштавани*, *разбулван’е*, *слатка ракийя*, *рисуват радител’ти*, *мий краката*, *карат ф каручка*, *булката пр’ед’е*, *повратки*. В Ровном: *гуд’еш*, *мишан удумвани*, *кал’есвани*, *прибулвани*, *в’енч’авани*, *выкуп*, *дар’авани*, *гул’ай*, *уб’ештават*, *збират кръс*, *отбулван’е*, *слатка ракийя*, *пуливани*, *крадът*, *пуливани*, *милина*, *катайат на каруца*. В Яровом: *сватосвани*, *гуд’еш*, *прайаха йалха*, *кал’есвани*, *зас’ефки*, *гул’ай*, *прибулвани*, *дар’авани*, *выкуп*, *раскатавани*, *аб’ештаван’ето*, *др’ешник*, *зимат прошка*, *одбулвани*, *пуливани*, *милина*, *дар’авани*, *раскатаван’е на д’адуту и бабата*, *на гости у пубаит’ама* — *младити б’агат ут събута*, *повратки*. В Суворово: *сватаниту*, *гуд’еж*, *кал’есвани*, *ридът булката*, *в’енч’авани*, *з’емат др’ешнику*, *удбулвани*, *ч’арв’ена ракийя*, *мий краката*, *варът раци*, *кумова в’еч’ер* (*с уха*), *п’ет’ел*, *ранат булката*, *повратки*. В Голица — *знак*, *гуд’еж*, *кал’есвани*, *булгур*, *дунас’ат др’ейти*, *плитът булката*, *прайат винци и йалха*, *дар’авани*, *прибул’анту*, *свадба*. В Огородном в полной мере сохранились и этапы добрачных отношений — *закачка*, *задиран’е*, *зиман’е прист’алка*, *удумуван’е*, *гуд’еж*, *кал’есуват*, *квас*, *игри*, *винци*, *ст’агат др’ешн’ак*, *бръснат*, *прибул’уват*, *винч’авани* — *в’енч’афка*, *об’ештавани*, *пуштат пиф*, *булско оро*, *одбул*, *баница*, *м’ед’ана ръкийя*, *прошка*, *поворотки*.

Среди названий обрядовых лиц диагностирующими в исследуемых говорах могут быть названия сватов. Так, в метрополии в Восточной Болгарии сватов называют *сватовници*, *женихли*, во Фракии — *слубаре*, *слугари*, *сгодичаре*, *прателци*, *прателници*, *момаре* (Родопи, Фракия), в Страндже — *слубници* у рупцев, *главешници* — у загорцев, *прателници* — у тронков. Лексема *женихли* в значении ‘свати со стороны жениха’ распространена «в Козичино, Поморийско, Разградско, Шуменско» [БЕР, 1: 535]. Б.Цонев отнес это слово к числу родопских заимствований в шуменских говорах [10: 91].

В исследуемых селах сватов чаще всего называют — *сватовници*, в некоторых северо-восточных говорах *женихли*, *женильник*, *женильни* (Ново Ивановка), *жинихля* (Ольшанка), *женилки* (Виноградовка-Бургуджи), в юго-восточных — *прателници* (Суворово, Терновка).

Название главного участника помолвки *момар* (*мумар*) имеет региональное распространение, в исследованном регионе оно встречается в с. Михай и с. Огородное. Согласно БЕР слово распространено в значении ‘сгледник’ в основном в Южной Болгарии (Смолянско, Ардинско, Пловдивско, Габрово, Ксантийско, Широколышки район) и восходит к лексеме *мама* ‘девушка’ [БЕР, 4: 224]. Лексема *мама*, как известно, отсутствует в западно- и восточнославянских языках, но функционирует в албанском, румынском, сербском, что позволяет ее отнести к лексическим балканизмам. В исследуемом регионе лексема *мумар* употребляется, как уже отмечалось, в Огородном, где проживают носители северо-восточного, так называемого чийшиского говора. Данный факт подтверждает мысль о том, что чийшийский говор не является исконно северо-восточным. Свадебная терминосистема позволяет констатировать и наличие реликтов традиционного национального белого костюма у чийшицев, что позволяет отнести их к группе «белодрешковци».

Исследуя фонетические, морфологические и лексические особенности других северо-восточных говоров — ольшанского и чушмелийского, исследователи приходят к выводу, что и они не являются коренными северо-восточными говорами [1: 36]. Различные черты связывают и ту и другую группы с южнобалканскими говорами. Данные факты доказывают, что и в настоящее время сохраняется общность южных говоров с мизийскими, что отмечал в свое время болгарский диалектолог И. Кочев [7: 115].

Среди названий участников свадебного обряда диагностирующими могут быть лексемы *бабалък*, *бабалъчка*, *слугняк*, *слугари*, *измекчи*, *ракаджий*, *петелджия*, *булгурджийка*, *хатарлийка* и некоторые другие. В некоторых селах сохранились названия обрядовых лиц *десен девер*, *ляв девер*, *главна зълва*, *съща зълва*, *вуйвода*, *бързоконица* и др.

Как известно, многие из названия обрядовых лиц в болгарской свадебной терминосистеме совпадают с названиями родственников, отражая патриархальность болгарского рода: *кум*, *кума*, *подкум*, *подкума*, *кръсник*, *кръсница*, *девер*, *зълва*, *пубаитим*, *пумайчима* и т.п. Главный распорядитель

свадьбы в исследуемых болгарских говорах — *кум, кума*, в некоторых селах *бабалък* (Терновка, Суворово, Главаны, Заря), *бубалък* (Каменка). Лексема *бабалък* также восходит к названиям родственников — тур. *babalik* ‘тесть’, восходящее к тур. *baba* ‘отец’ [БЕР, 1: 23]. В Суворово главными лицами на свадьбе в воскресенье являются кум и кума, а в понедельник — *бабалък* и *бабалъчка*. В Каменке в связи с сокращением количества обрядовых лиц главного распорядителя свадьбы — *бубалъка* почитают в настоящее время, например, больше, нежели кума.

Лица, которые готовили еду на свадьбе, назывались в болгарских говорах метрополии *ахчийки, ахчи, аиччи*, в Хасковском округе — *измекерки*, в Перушица — *магери*. Это обычно соседки или старшая родня — женщины и мужчины. В различных селах Бессарабии их называют по-разному, чаще всего — *ахчи, аиччийка, айки, шетачи, измекчи, изметчи*. Термины восходят к лексемам арабско-турского происхождения: *измет* — ‘работа, обслуживание, прислуживание’, *ахчийка, аиччийка* (от тур. *ахчия* — повар) [БЕР, 1: 22], *измекчия* (от тур. *hizmetci* слуга). Последняя фиксируется и в сербском, румынском, греческом [БЕР, 2: 40].

Производной от глагола *шетам* ‘хозяйничать, хлопотать по дому, ухаживать, прислуживать’ является лексема *шетачка (шитачка)*. Названия точно определяют их роль на свадьбе — подносить вино и ракию (*да шетат и да прислужват*). В современном болгарском языке лексема *шетачка* имеет значение ‘хорошая, домовитая хозяйка’.

Петуха вносит в дом *петелджия (питилджиян)*, которого в некоторых исследуемых селах называют *заложник* (Ореховка, Ровное). В данном значении лексема согласно БЕР фиксируется в г. Троян [БЕР, 1: 595] и в этнографических описаниях свадебного обряда в Ловече [8: 391].

Сохранилась в исследуемых говорах и лексема *булгурджийка*, которая восходит к тур. (от перс.) *булгур* — ‘крупя из пшеницы (крупного помола)’ [БЕР, 1: 88]. Тюркскими по происхождению являются и лексемы: *хатърлийка* (от *хатър* — ‘уважение’, срв. *гледам хатър* — ‘угождать’), *ракаджия, кешкеджия* и др. Лексемы *либовник, либовница* в значении ‘возлюбленный, возлюбленная’ в исследуемом регионе употребляются, как правило, в юго-восточных и смешанных говорах, хотя в метрополии фиксируются и в других регионах (*либовник* (Габрово), *либовничка* (Гьобел, Новопазарско, Войнягово, Карловско) [БЕР, 3: 388].

Как видим, исследование свадебной терминосистемы болгарских переселенцев доказывает, что и в настоящее время в исследуемом регионе сохраняется общность южных говоров с мизийскими, что подтверждается некоторыми лексическими вкраплениями, названными Б.Цоневым рупцинами — *рупцизмами*.

Однако языковеды же еще в 50-ые годы отмечали, что, например, в Олшанке старая обрядовая лексика «полностью ушла из основного словаря»

ного фонда и, видимо, в какой-то степени совсем утратилась. Из этой группы в основном словарном фонде сохранились лишь такие слова, которые имели значение и употребление за пределами обрядовой терминологии, например, *в'ан'еи, свадьба, згуд'аник, згуд'аница* [2: 81].

Сравнивая бессарабскую болгарскую свадьбу с другими вариантами и терминологией болгарской свадьбы в метрополии, отметим ее общеполгарскую основу, точнее — ее восточноболгарский вариант, в котором ясно различаются черты северные и южные, а также некоторые локальные особенности. К диагностирующим чертам юго-восточных болгарских говоров следует отнести лексемы *главеж, главеник, главеница, претив, замески, слугняк, измекция, либовник*. Анализ диагностирующих элементов необходимо дополнить поиском глубинных «этнокультурных сигналов», многие из которых скрываются в самих закономерностях организации мотивационной структуры данной терминосистемы. Он должен проводиться комплексно, с учетом локальной специфики артефактов, названий блюд, изделий из теста, свадебного реквизита и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атлас болгарских говоров в СССР. Вступительные статьи. Комментарии к картам. — М., 1958. — Ч.1. — 84 с.
2. Бунина И.К. Лексический состав говора ольшанский болгар // Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР. — Вып.3. — М., 1953. — С. 3-84. .
3. БЕР — Български етимологичен речник. Т.1-6. — София, 1971-1996.
4. Вакарелски Хр. Етнография на България. — София, 1977. — 676 с.
5. Державин Н.С. Болгарскія колоніи въ Россіи. — София: Мартилен
6. Колесник В.А. К вопросу о статусе фракийских говоров болгарских сел Юга Украины // Слов'янський збірник. — Одеса, 1996. — Вип 1 — С.50-55.
7. Кочев И. За основните проблеми на българската диалектология. — Български език, 1984, №2. — С.115-121.
8. Ловешки край. Материална и духовна култура. — София, 1999.
9. Узенева Е.С. Названия помолвки в болгарской свадьбе (семантика и сравнительный аспект) // Язык культуры: семантика и грамматика. — М., 2004. — С.411-419.
10. Цонев Б. Диалектни студии // Сборник за народни умотворения. — Т.ХХ, Пловдив-София, 1895-1904.